

Опосредствование и действие: сдвиг объекта изучения

Б.Д.Эльконин

1.

В 1978 г. в монографии Э.Г.Юдина «Системный подход и принцип деятельности» было сказано, что психологической теории деятельности предстоит перейти от полагания деятельности как объяснительного принципа к ее полаганию как объекта изучения.

В том же году была опубликована работа Д.Б.Эльконина «Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве» и в ней, на мой взгляд, содержатся предпосылки того онтологического и методологического сдвига, на который указал Э.Г.Юдин. Для прояснения сказанного надо ответить на вопрос о том, каков же был объект изучения в Выготскианской психологии и о том, каков иной объект, в этой же психологии рождающийся.

2.

Ответ на вопрос об Объекте – это ответ на вопрос о той **жизненной, фактической ситуации**, мимо которой мы не можем пройти. Не можем пройти в силу ее **интриги**, которая «зовет»¹ ее помыслить, т.е. акцентировать, выделить, изолировать и, в этом смысле, идеализировать – стать ее наблюдателем. Подобный Вызов, Ноэма (Э.Гуссерль [5]) есть начало нашей (исследователей) интенциональности. В этом Вызове мы вольно или невольно полагаем и **утверждаем** некую ситуацию в статусе важного жизненного События.

Итак, вопрос об объекте – это вопрос о том, в допущении какого жизненного События мы строим описания и объяснения. Примечу, по ходу: очень похоже, что подобный же Вызов-Событие

¹ Примерно так рассуждал М.Хайдеггер в работе «Что зовется мышлением», обыгрывая понимание мышления как ответа на «зов» [11].

лежит и в основании наших практик, но, как правило, не у-ясняется нами, не *делается* явственным².

Здесь, однако, надо сделать паузу понимания. В словах о выделении (утверждении) некоего жизненного содержания есть два акцента. Первый – на том, *что, какое* содержание выделяется («зовет»). А второй – на том, что содержание *выделяется и утверждается* (как «зовущее»), т.е. акцент *на самом акте* выделения-утверждения и интрига именно в нем, в том, КАК это происходит. И в этом «как» подразумевается, что вызов происходит не только от какого-то содержания «мне», но и от «меня» (со всеми моими допущениями) к некоей ситуации. В повседневной жизни мы часто забываем этот второй акцент, но ее же успехи, конфликты и неурядицы «крутятся» именно вокруг нашего «отношения» к ее содержанию – вокруг того, как и почему мы нечто считаем и делаем главным и важным, а нечто – второстепенным. Так, например, я могу считать (и считаю) событием моего профессионального движения возникновение и развертывание школы «Универс». Но почему, из каких допущений, из какого «сознания» (как) я полагаю «Универс» вызовом («зовом») мне? Из допущения того, что «Универс» *являет и утверждает* мои возможности как опоры своей собственной жизни.

Что же, какую интригу какой ситуации мы делаем явленной в словах «Смысл», «Сознание», «Деятельность»? Какая явленность какому наблюдателю «взывает» их употреблять? Вне подобных вопросов слова «цепляются» за слова и этим «сцеплениям» нет конца. Такие «сцепления» и характеризуют рассеивание, т.е. конец культурных традиций.

3.

² Такова и «Культура», если ее трактовать, не как отвлеченную норму, а как систему акцентов, способов выделения «ключевых точек» в повседневной жизни.

Для психологии конца XIX века, характерен образ Сознания как «пространства», «центр», фокус которого – это «точка» ясного видения. В ней «психические явления» собираются, концентрируются и объединяются. В.Вундт назвал такую концентрацию (вслед за Лейбницем и Кантом) Апперцепцией и утверждал, что возможно создание специальных ситуаций, в которых усилие Апперцепции становится наблюдаемым. Так возникла экспериментальная психология. Что же здесь полагалось Нозмой, интригующим и зовущим понимание Событием? Событием полагалось именно это **приведение индивидом жизненной реальности в явственность** (а психической жизни – в собранность). Такими мыслились «возвышения ландшафта» повседневности, с которых сама повседневность становилась понимаемой. Понятно, что не Вундт (Фехнер, Гельмгольц, Титченер, Джемс и многие другие) выделили ясность и отчетливость видения как центр Сознания, однако именно они инициировали специальные работы по искусственному воссозданию ситуаций появления этого феномена – экспериментальную психологию.

Итак, Апперцепция (состояние ясного видения) *получила статус жизненного события* - Феномена, условия которого предстоит понять и воссоздать.

Радикальный бихевиоризм противопоставил апперцепции Стимуляцию и, тем самым, представил жизненный мир как мир сильных стимулов, которые *сами*, без всяких людских усилий диктуют рельеф повседневности. Концептуальные противники бихевиоризма – гештальтпсихологи – представили мир как мир незаконченных форм, завершение которых есть инсайт. Апперцепция из «пребывания в сознании» «вышла наружу» и оказалось творческим актом. Изменение «дислокации», однако, не изменило сути ключевого вопроса – вопроса о том, каковы условия

собранности (гештальта) и усмотрения (чего-либо как существенного).

4.

Из заданного мной контекста в концепции Л.С.Выготского следует выделить четыре основных положения.

1. Необходимым условием перехода из рассеянного в концентрированное сознание (апперцепции) является опосредствование – означивание собственного поведения с помощью культурных форм – знаков³. Означивание собственного поведения есть овладение им. Таковы высшие психические функции, в их отличии от натуральных, где не человек овладевает своей активностью, а наоборот – стихия активности «владеет» человеческой психикой.
2. Первоначальным условием означивания является становление интерпсихической формы активности (поведения). Здесь знак (слово) становится Психологическим Орудием – орудием (со)управления собственным поведением. В дальнейшем интерпсихическая форма превращается в интрапсихическую – другой человек лишь подразумевается в построении поведения.
3. В становлении интерпсихической формы и ее превращении в интрапсихическую наблюдатель превращается в *соучастника активности*, в «содеятеля». Таково требование экспериментально-генетического метода – метода, лишь следуя которому можно изучить происхождение, а потому и сущность Сознания (концентрированного сознания, апперцепции).
4. Становление сознания есть *преодоление* натуральной формы активности в культурной. Именно преодоление в отличие от

³ Уже отсюда следует, что культура – не «среда», а «оператор» поведения.

полагания культурной формы «рядом» с натуральной или «над» ней.

Каков же Объект изучения, полагаемый Л.С.Выготским? Это непростой вопрос, поскольку в его концепции «просвечивает» и иное событие, иная нозма, нежели фокусированное сознание. Однако, в той мере, в какой экспериментальный генез, становление означивания *завершается* как фокусированное (концентрированное) сознание и, следовательно, означивание является лишь *средством* его (именно его) выращивания, можно сказать, что сам объект изучения остался тем же, что и в классической психологии. В результатах экспериментов выступает не сам феномен нового сознания, не его образ, а фактические симптомы его наличия: не запоминал – запоминает, не внимал – внимает. Впрочем, некоторые тексты имеют и иную интенцию. Таковы фрагменты описаний поведения в работе «Орудие и знак ...», описания соотношений письменной и внутренней речи в 7 главе «Мышления и речи».

5.

На мой взгляд, последователи Теории Деятельности лишь усилили классический аспект концепции Выготского. И странно: вроде бы, концепт внешнего предметного действия вводился для уяснения того, как строится само означивание, как *существует* интерпсихическая форма, т.е., вроде бы, объектом становилось само опосредствование. Однако, гносеологизация экспериментальных разработок – утверждение о том, что действие «первично», а сознание (значение, слово) «вторично» – «повернуло» интенциональный акт в классическое русло, в русло объяснения того, как «случается» сознание. Действие выступило в функции объяснительного принципа, а не предмета изучения, что и отметил Э.Г.Юдин.

И также, как и у Выготского, результаты экспериментального генеза описывались как факты перехода к «ясному видению»: не видел – увидел, не ощущал – ощутил, не выделял существенного отношения класса задач – выделил. Последнее, кстати, рельефно задает образ перехода от мутности к ясности и от рассеянности к концентрации.

6.

«Заметки о развитии предметных действий» Д.Б.Эльконина – начало перехода исследовательской интенции, сдвига объекта изучения. Этот переход был продолжен и усилен в моих исследованиях.

1. Объектом изучения и практикования стал **сам акт опосредствования**.
2. Изучать само опосредствование – это значит выявлять то, как значение, обращенное другому человеку (ребенку) в функции психологического орудия, становится явленным соучастникам действия и обретает функцию образца – становится опорой и образует поле их со-действия. Подчеркиваю: явленным всем участникам, т.е. и взрослому, и ребенку – здесь и теперь, а не «до» со-действия. До со-действия – нет значимостей, а есть пустые словоформы.
3. Изучать само опосредствование – это значит выявлять *условия выполненности* интерпсихической формы или, словами Д.Б.Эльконина, совокупного действия.

В подобном изучении и практиковании как «узел» повседневности выступает **Событие и Интрига совокупного действия**.

В той мере, в какой интенциональным объектом становится совокупное действие не остается места

представлениям об «общении», «совместности», «интерпсихической форме», «со-бытии» как об уже существующих первоначалах; не остается места представлениям о культуре как некоей уже действующей реальности. Есть место пониманию условий, при которых слова, образы и жесты *становятся* опорами активности.

В силу каких-то обстоятельств многие исследователи допускают, что общение и обращение случаются, как бы, сами собой, естественным образом и поэтому можно говорить о них как о фактах повседневности. Я же полагаю, что выполненность обращения является таким же эксклюзивом, как творческий акт.

По наблюдениям Д.Б.Элькинина и моим за развертыванием предметных действий в раннем детстве ([13], [14]), а также по опыту некоторых формирующих экспериментов ([12]), можно выделить два основных условия возникновения и воссоздания совокупного действия

1. Опосредствование взрослым поведения ребенка, выстроенное как их совокупное действие (интерпсихическая форма) выполнено при условии, что:
а) сам ребенок выделяет и подчеркивает слова-жесты-образцы взрослого и б) подчеркивает их как «обратный» вызов взрослому, тем самым утверждая, являя значимость самой ситуации обращения взрослого.
2. Опосредствование выполнено при том условии, что ребенок утверждает образцы действия и ситуацию взаимодействия самым требуемым содержанием образца, т.е. самой своей телесностью. В материале телесных усилий и их функциональных систем ребенок испытывает и опробует значения слов-жестов-образцов

взрослого. Телесность ребенка становится экраном значащего слова взрослого – усиливает, отображает и возвращает взрослому значение его слова.

Важно подчеркнуть, что слово «вызов» я интонирую в противопоставлении «выполнению» и полагаю, что вызов самым требуемым действием или, что нередко случается, – действием обратным требуемому, есть свидетельство *испытания-опробования* слова-образца⁴, свидетельство его воссоздания и «перепродуцирования». Таково построение значения и утверждение значимости.

Подобное действие я называю Посредническим. **Посредническое действие – это совокупное действие, заданием которого является продуцирование значения знака и утверждение ситуации взаимности.** *Посредническое действие завершается в значении, а не в вещи.* Интрига посреднического действия, его связность и есть интенциональный объект Выготскианской психологии, изучаемое ею жизненное Событие.

7.

Заданное представление об интерпсихической форме требует и иного понимания завершения экспериментального генеза. Теперь уже завершение – это не просто собранность в решении задачи.

Так, например, внутренняя речь – это не просто «умственный план» говорения или письма. Это даже не просто замысел и план высказывания, отделенный от самого высказывания – его ориентировочная «часть». Используя подсказку Л.С.Выготского⁵ (а также Ю.М.Лотмана и

⁴ Примеры см. [13]

⁵ В VII главе «Мышления и речи»

М.М.Бахтина), можно утверждать, что внутренняя речь *возвращается* в высказывание как его ритм – систематическое опробование акцента и интонации высказывания, т.е. подчеркивание его смысла и игра с ним⁶. Замысел и план не детерминируют реализацию, а проигрываются и переигрываются в ней; проигрываются *из самой реализации*. Лишь в этом случае можно сказать, что внутренняя речь стала опорой действия (высказывания).

«Внутреннее» действие не отделяется от «внешнего», а «вызывается» (экранируется) внешним действием и возвращается в него как акцентирование его поля, как выделение в этом поле ключевых, переходных точек. Именно так я понимаю введенное П.Г.Нежновым представление о «функциональном поле» [9].

Заключая работу, акцентирую несколько положений.

- Предметом изучения современной культурно-исторической концепции является Посредническое Действие. В совокупном действии сознание бытийствует⁷.
- Опосредствование должно быть понято и выстроено как рождение и воссоздание Действия. Именно так осуществляется связь опосредствования и развития.
- Развитие человека – рождение и преобразование Посреднического Действия.

⁶ Согласно разработкам Л.А.Рябининой с сотр., интонационно-ритмическое устройство высказывания является способом освоения осмысленного чтения и письма. В лаборатории «Психологии младшего школьника» Психологического Ин-та аналогичные разработки для групп подготовки к школе проводятся Н.Ю.Мангутовой.

⁷ Именно в этой связи я понимаю исследования В.В.Рубцова конца 70-х и начала 80-х годов [10]. Исследования типов координации действий – типов совместности – строились в иной интенции, чем исследования коллективного действия как начала психологических новообразований учебной деятельности (анализа, рефлексии, планирования). В этих исследованиях «новообразованием» было само совместное действие.

Литература

1. Архипов Б.А., Эльконин Б.Д. Язык антропотехнического (посреднического) действия // «Антропопрактикс», ежегодник гуманитарных исследований, 2011.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2, 3, 6. М.: Педагогика, 1982 – 1984.
4. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии – Воронеж: НПО «Модэк», 1998.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
6. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: Издательство Академии Педагогических Наук РСФСР, 1960.
7. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство Московского Университета, 1981.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
9. Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в модели «культурного развития» // Вестник Московского университета, сер. 14, Психология, 2007, №1.
10. Рубцов В.В. Организация и развитие совместных действий детей в процессе обучения. М.: Педагогика, 1987.
11. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006
12. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск.: Издательский дом «ERGO», 2010.
13. Эльконин Б.Д. Событие действия (Заметки о развития предметных действий II) // Культурно-историческая психология, 2014, №1.
14. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
15. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: «Наука», 1978

